

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Г. Ф. ХРУСТОВ

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИЯХ СОБСТВЕННОСТИ В ПЕРВОБЫТНОМ ОБЩЕСТВЕ

(О характере земельной собственности у австралийцев)

Вопрос об отношениях собственности имеет первостепенную важность при исследовании общества на любом этапе его развития. Изучение отношений собственности в первобытном обществе на его ранних ступенях имеет особое значение, так как здесь мы имеем дело с исходным пунктом развития исторических форм собственности. В своей классической работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс блестяще доказал, что частная собственность представляет собой не извечное явление, а продукт развития производительных сил общества на определенном этапе его истории. Этот вывод имеет огромное значение для борьбы с идеологией частной собственности.

Апологеты частной собственности не раз на протяжении истории пытались найти в этнографических данных об отсталых племенах подтверждение своих взглядов. Поэтому научный анализ отношений собственности в первобытном обществе имеет большое значение не только для познания определенных сторон истории развития общества, но и для актуальной задачи борьбы с идеологией частной собственности.

Настоящая статья имеет целью рассмотреть вопрос о земельной собственности в первобытном обществе той стадии развития, на которой находились австралийские племена. Этнографический материал, относящийся к этому вопросу, сложен и противоречив.

Попытки «опровергнуть» существование общественной собственности у австралийцев делались давно. Так, Дж. Грегори, профессор университета в Глазго, писал об австралийцах: «Коммунистической чертой аборигенов, как утверждали, было отсутствие частной собственности. Но эта точка зрения также неосновательна... Существовала даже частная собственность на землю, продукты природы и охотничьи территории»¹.

Д. Дэвидсон, используя материал австралийской этнографии, доказывал существование индивидуальной собственности на землю у австралийцев (как представителей определенной ступени общественного развития). Свои выводы Дэвидсон изложил в следующих шести пунктах: «1) существует понятие действительной собственности индивидуумов или семей на землю; 2) семейная охотничья территория отделена четко установленными границами; 3) переход границ запрещен (за некоторыми исклю-

¹ J. W. Gregory, Australasia, т. I, Australasia and New Zealand, London, 1907, стр. 217.

чениями); 4) район наследуется от отца к сыну; 5) собственность осознается до такой степени, что собственник может свободно распоряжаться своей землей; 6) семейные районы являются патрилокальными»².

Через десять лет после опубликования цитированной работы Дэвидсон снова выступил с аналогичной концепцией. «Орда... отнюдь не является наименьшей единицей, владеющей землей,— писал он.— Во многих частях континента собственность орды разделена на несколько территорий, каждой из которых владеет семья или индивидуум»³. Правда, Дэвидсон тут же вынужден сделать оговорку, что «на практике» это разделение часто не соблюдается, но затем, не замечая противоречия «практики» со своей теорией, он продолжает говорить о «собственности этих семей или индивидуальной собственности» на землю, которая наследуется непосредственно от отца к сыну.

Патер Вильгельм Шмидт утверждал, что у аборигенов Австралии наряду с собственностью на землю «семейных групп» существует собственность «индивидуальной семьи»⁴; более того, с его точки зрения, «здесь существует даже настоящая индивидуально-личная собственность, а не только собственность индивидуальной семьи как коллектива» на землю⁵.

М. Герсковиц, придерживаясь в основном концепции общественной земельной собственности у австралийских племен, считает тем не менее, что «их образцы земельного владения был резюмирован» в приведенных выше шести пунктах Дэвидсона⁶. По мнению Герсковица, «современные данные соответствуют этим обобщениям»⁷. Наконец, совсем недавно известный этнограф Ф. Маккарти заявил, что у аборигенов Австралии существуют «индивидуальные наследуемые права на каменоломни, рыболовные запруды и острова»⁸. Таким образом, концепция индивидуальной собственности на землю у австралийцев (по сути дела, шесть пунктов Дэвидсона в совокупности говорят скорее о системе частной собственности) получила известное распространение.

Опровержение такой точки зрения должно заключаться, во-первых, в выяснении подлинного характера отношений собственности у австралийских племен как представителей определенной стадии развития общества. Оно должно заключаться, во-вторых, в выявлении тех особенностей жизни этих племен, которые используются для доказательства существования у них частной собственности, и в объяснении подлинного значения этих особенностей.

Прежде всего следует выяснить метод подхода к изучению данной проблемы. Как проанализировать характер отношения к средствам производства?

Основным критерием при исследовании такого рода является характер экономических отношений между людьми. Отношение к вещи, не выражающееся в отношениях между людьми, не есть реальное экономическое отношение. Только через отношения между людьми осуществляется и получает определенность реальное экономическое отношение к средствам производства. Маркс, критикуя Прудона, писал, что «определить буржуазную собственность — это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства»⁹. Отсюда — мето-

² D. S. Davidson, The Family Hunting Territory in Australia, «American Anthropologist», т. 30, № 4, 1928, стр. 627.

³ D. S. Davidson, An Ethnic Map of Australia, «Proceedings of the American Philosophical Society», т. 79, № 4, 1938, стр. 658.

⁴ W. Schmidt, Das Eigentum auf den ältesten Stufen der Menschheit, Bd. I, Das Eigentum in den Urkulturen, Münster in Westfalen, 1937, стр. 242.

⁵ Там же, стр. 247.

⁶ M. J. Herskovits, Economic Anthropology, New York, 1952, стр. 338.

⁷ Там же.

⁸ «The Australian Encyclopaedia», т. I, Sydney, 1958, стр. 31.

⁹ К. Маркс, Нищета философии, Госполитиздат, 1956, стр. 117.

дологическое указание к исследованию проблемы отношений собственности вообще. Если нужно выяснить, какой характер имеет отношение к средствам производства на данной ступени экономического развития, — необходимо проследить, каковы особенности тех производственных отношений, в которых реализуется это отношение к средствам производства.

Обратимся к данным этнографии народов Австралии и прежде всего к тому материалу, который может дать основание для предположения о существовании индивидуальной или частной собственности на землю на данном этапе общественного развития.

Сообщения о существовании у австралийцев земельных участков, находящихся в индивидуальной собственности отдельных лиц, встречаются уже в самых ранних литературных источниках по Австралии¹⁰. Однако подобные утверждения авторов, имевших наиболее благоприятные возможности для изучения данного вопроса (длительный и тесный контакт с аборигенами и т. д.), носят, как мы увидим в дальнейшем, весьма своеобразный характер.

Из ранних источников наиболее обстоятельное рассмотрение интересующего нас вопроса дает сообщение Найнда: «Туземцы, живущие вместе, имеют исключительное право рыбной ловли или охоты на близких землях, которые в действительности разделены на участки, находящиеся в индивидуальной собственности, причем количество земли, находящейся в собственности каждого индивидуума, является весьма значительным. Тем не менее, эта земля принадлежит не только ему одному — другие члены его семьи имеют определенные права на нее, так что эту землю можно рассматривать как частично принадлежащую племени. Так, все они имеют право ломать травяные деревья, убивать бандикутов, ящериц и других животных и выкапывать корни. Но присутствие собственника земли считается необходимым, когда для ловли дичи в этой местности они применяют огонь. Так как местность не изобилует пищей, они редко остаются на одном месте, уходя, в зависимости от времени года, в районы, дающие такие виды продуктов, употребляемых в пищу, для которых может в это время наступить сезон»¹¹.

Из сообщения Найнда следует, во-первых, что существует разделение территории группы на участки, которые отдельные индивидуумы рассматривают как свои собственные; во-вторых, — что такое разделение является лишь номинальным и не касается экономической структуры производственной деятельности локальной группы в целом, которую Найнд называет племенем (*tribe*). Экономическое равенство в этом отношении не просто преобладает, а является единственно существующей системой, так как все члены группы имеют равное право производственной деятельности на всей территории своей группы. Это становится еще более очевидным, если принять во внимание указание Найнда об использовании группой различных районов своей территории в зависимости от времени года. Локальная группа в целом нуждается во всех участках своей территории. Так называемая «собственность» отдельного индивидуума на свой участок земли не выражается, таким образом, ни в каких реальных экономических отношениях и поэтому вообще не является собственностью в экономическом смысле. Единственное проявление такой «собственности», указываемое Найндом, — присутствие «собственника» в случае использования огня на его участке, — экономически ничем его не выделяет из числа других членов группы, участвующих в охоте с использованием огня, которая может производиться только коллективно.

¹⁰ См., например, D. Collins, *An Account of the English Colony in New South Wales*, т. I, London, 1798, стр. 599 (сам Коллинз отмечает, что «это может показаться странным»).

¹¹ Scott Nind, *Description of the Natives of King George's Sound (Swan River Colony) and Adjoining Country*, «The Journal of the Royal Geographical Society of London», т. I, 1831, стр. 28.

Эти два основных момента в сообщении Найнда составляют, как мы сейчас увидим, содержание свидетельств и других авторов, хорошо знавших жизнь коренного населения Австралии. Вот что говорится в этих сообщениях. Известный исследователь Джордж Грей пишет, что у австралийцев «собственность на землю принадлежит не племени или несколькими семьям, а отдельному мужчине»¹². Однако Грей не приводит в доказательство этого утверждения собственных наблюдений. Он ссылается на письмо Дж. Ланга, которое полностью воспроизводит. Ланг пишет: «Но отдельные районы являются не просто собственностью различных племен: определенные части или участки этих районов признаются всеми туземцами собственностью отдельных членов этого племени; и когда собственник такой части или участка территории (в чем я убедился на острове короля Георга) решает сжечь траву на своей земле..., то не только все другие члены его племени, но и целые племена из других районов приглашаются для участия в охоте, пире и танцах или корробори, которые следуют за этим; причем дикие животные этого участка рассматриваются как собственность владельца земли»¹³. Здесь мы снова имеем сообщение о формальном притязании отдельных членов племени на часть территории, после чего сразу же идет описание коллективного использования этой территории. Замечание Ланга о собственности «владельца» земли на животных опровергается его же описанием действительных отношений. В самом деле, в чем выражается эта собственность, если осуществляются и коллективная охота, и коллективное потребление («пир», который следует за охотой)? Остается лишь «присутствие» формального владельца земли и его участие, наравне со всеми, в охоте и празднестве. Отметим далее, что простой член племени не может по своему усмотрению решать вопрос о поджоге травы, так как для одного охотника это было бы бессмысленным занятием: поджог травы имеет смысл только при коллективной охоте. Отсюда следует, что и соответствующее решение может приниматься лишь в интересах всей группы, Ланг не отрицает, что поджог травы производится с целью «облегчить туземцам поимку более старых животных»¹⁴, т. е. что это делается в интересах группы в целом, которая может использовать любой участок своей территории. Поэтому «владелец» участка не может не «пригласить» других членов своей группы.

В другом месте Грей подчеркивает, что при таких охотах «собственник земли должен приглашать других туземцев и присутствовать на этих охотах сам, так как, если эти правила будут нарушены, наверняка последует кровавое столкновение»¹⁵. Совершенно очевидно, что здесь речь идет об осуществлении права локальной группы на использование любого участка своей территории. Приглашение же соседних племен (очевидно, локальных групп), о котором упоминает Ланг, вообще никогда не может быть частным делом одного из членов группы,— это в принципе исключается всей системой внутри- и межгрупповых отношений у австралийцев. Такое приглашение может делаться лишь от имени всей группы. Наконец, следующее наблюдение Грея не оставляет никаких сомнений в характере фактического пользования территорией: он пишет, что австралийцы «всегда регулируют посещение своих охотничьих территорий так, чтобы быть в той части, которая дает изобилие определенного вида пищи, когда для него наступает самый разгар сезона»¹⁶. Ясно, что группа использует попеременно все участки своей территории. Грей совершенно справедливо

¹² G. Grey, *Journals of Two Expeditions of Discovery in North-West and Western Australia*, т. II, London, 1841, стр. 232.

¹³ Там же, стр. 234—235.

¹⁴ Там же, стр. 235.

¹⁵ Там же, стр. 272.

¹⁶ Там же, стр. 297.

отмечает, что «законы этого народа непригодны для управления жизнью отдельной изолированной семьи»¹⁷. Но если эти законы «приспособлены только для регулирования жизни группы семей»¹⁸ (а эти законы являются лишь отражением фактически существующих материальных отношений), то не остается места для той системы индивидуальной собственности на землю, о которой вслед за Лангом говорит Грей. Таким образом, письмо Ланга, на которое ссылается Грей, никоим образом не доказывает существования действительной индивидуальной собственности на землю у австралийцев¹⁹. Собственные же наблюдения Грея — добросовестного исследователя — доказывают прямо противоположное.

Другой известный исследователь Австралии, Эдуард Эйр, писал об австралийцах: «Каждый мужчина имеет определенный участок земли, точные границы которого он всегда может указать»²⁰. Эйр говорит далее, что отец при жизни делит свою землю между сыновьями и имеет место почти наследственная передача земли. «Мужчина может распоряжаться своей землей или променять ее другим»²¹, — сообщает Эйр. Далее он полностью цитирует рассматриваемые нами выше соответствующие страницы из работы Грея вместе с письмом Ланга. Если же мы обратимся к собственным наблюдениям Эйра, то снова окажется, что фактическое использование территории не имеет ничего общего с системой индивидуальной собственности на землю. В самом деле, Эйр пишет, что если в определенной местности какой-нибудь вид пищи имеется в большом количестве или имеется только здесь, то «обычно все племя собирается, чтобы воспользоваться им»²². И далее: «Район, который в один период может быть редко населен или даже вообще необитаем, в другое время может быть переполнен людьми. Путешественник в один период может быть окружен сотнями дикарей, а в другое время в том же месте он может проходить один, и его никто не заметит»²³. Налицо картина передвижения всей группы по всей территории, попеременного использования группой в целом всех ее участков в зависимости от времени года и сезона. Участком, которым «владеет» какой-либо член племени, в один период пользуется вся группа, а в другое время здесь никого нет. Такая система использования группой всей территории лишает всякого экономического смысла утверждение Эйра о собственности отдельного мужчины на определенный участок земли и о праве распоряжаться им вплоть до возможности обмена — если только за этим утверждением не скрывается факт использования всеми членами группы как «своих», так и «чужих» участков.

К. П. Ходгсон сообщает, что у австралийцев «каждая семья имеет участок земли, являющийся ее особой собственностью»²⁴, и без ее разрешения другие члены племени не могут пользоваться этим участком. Сам Ходгсон указывает на исключения из этого правила, которые имеют место тогда, когда все члены племени (т. е. локальной группы) по каким-либо причинам собираются вместе. Из описания тем же Ходгсоном повседневной жизни аборигенов Австралии выясняется, что локальная группа в целом под руководством своего «вождя» (chieftain) постоянно передвигается по всей своей территории и что члены этой группы занимаются охотой и собирательством на любых участках по пути движения

¹⁷ G. Grey, Указ. раб., стр. 222.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Аналогичное противоречие в описании данного явления мы находим и в вышедших позже книгах Дж. Ланга (см. J. D. Lang, *Cookland in North-Eastern Australia*, London, 1847, стр. 392—394; его же, *Queensland*, London, 1861, стр. 336—337).

²⁰ E. J. Eyre, *Journals of Expeditions of Discovery into Central Australia*, т. II, London, 1845, стр. 297.

²¹ Там же.

²² Там же, стр. 218.

²³ Там же, стр. 369.

²⁴ C. P. Hodgson, *Reminiscences of Australia*, London, 1846, стр. 210.

группы. Ходгсон пишет даже, говоря о передвижении группы в целом: «они никогда не остаются два дня на одном и том же месте» и «вследствие своего кочевого образа жизни никогда не охотятся дважды в одной и той же местности», оставляя этот участок своей земли «до тех пор, пока снова не наступит его очередь»²⁵. Но отсюда следует, что совместное экономическое использование локальной группой всех участков ее территории — не исключение, а правило. Следовательно, описанные самим Ходгсоном реально существующие экономические отношения показывают, что субъектом собственности на землю выступают здесь не отдельные семьи, а локальная группа в целом.

Дж. М. Клоу в письме к губернатору Виктории Ла Тробу (по-видимому, 1853 или 1854 г.) сообщает: «Я нашел, что среди племени Виммера и племени озера Хиндмарш господствует обычай, согласно которому все главы семей являлись по праву наследования или завоевания признанными собственниками определенного участка земли того племени, вождю которого они подчиняются (при этом подразумевается, что другие члены племени также имеют право охотиться на таких участках с молчаливого согласия (by sufferance) их собственников)»²⁶. Приведенное сообщение представляет интерес в том отношении, что здесь говорится о «подразумеваемом» праве остальных членов группы охотиться на участке любого «собственника» при «молчаливом согласии» этих «собственников». Следовательно, это настолько обычное явление, что оно само собой разумеется, и для охоты любого члена группы на любом участке ее территории не требуется какого-то особого, даваемого в виде исключения, разрешения собственника этого участка земли. Субъектом собственности оказывается опять-таки не отдельное лицо, а локальная группа в целом.

Рудезиндо Сальвадо пишет об австралийцах: «Каждый индивидуум имеет свою собственную территорию, на которой он может охотиться, собирать камедь и корни: и право, которое рождение дает ему на эту территорию, оберегается и уважается как священное... Следовательно, каждая семья является исключительным собственником определенного участка земли, которым, однако, соседние семьи, живущие в добром согласии, пользуются сообща (promiscuamente)»²⁷. Это «однако» меняет все дело — реально существующими отношениями оказываются отношения коллективистские. Оговорка «семьи, живущие в добром согласии», не имеет существенного значения, так как мирная жизнь внутри группы — правило, а не исключение.

«Я уже говорил,— пишет Дж. Браун,— что каждый род имеет свой собственный район. Удерживаемая таким образом земля делится далее на нетвердо определенные участки, так как каждая семья или каждый индивидуум рода владеет своим признанным участком земли. Эта собственность наследуется в семье и рассматривается во всех отношениях как частное владение; собственники гордятся обширностью и достоинствами своих охотничьих угодий. Однако трудно сказать, в чем, собственно, состоит это право владения, потому что земледелие им (австралийцам.— Г. Х.) совершенно неизвестно и члены рода охотятся без разбора на любой земле»²⁸. Сказать, действительно, трудно. Ясно, что данное «частное владение» не рассматривается как таковое во всех отношениях, и особенно в главном отношении — экономическом.

Карл Юнг сообщает, что «каждому аборигену с его семьей принадлежал определенный участок», но сразу же после этого пишет: «Остальным членам рода было вполне разрешено убивать здесь животных,

²⁵ С. Р. Hodgson, Указ. раб., стр. 209.

²⁶ См. Th. F. Bride, Letters from Victorian Pioneers, Melbourne, 1898, стр. 109.

²⁷ R. S. Salgado, Memorie storiche dell'Australia, Roma, 1851, стр. 302—303.

²⁸ J. Browne, Die Eingeborenen Australiens, ihre Sitten und Gebräuche, «Petermann's Mittheilungen», т. II, 1856, стр. 446.

выкапывать корни и собирать семена, но когда на больших пространствах сжигается трава и кустарник, чтобы вспугнуть дичь, собственник земли должен присутствовать при этом»²⁹. Как видно, принадлежность каждому аборигену определенного участка земли, о которой говорит Юнг, не включает никакого реального экономического содержания и сводится к уже известному нам присутствию «собственника» земли при сжигании травы.

Джеймс Доусон категорически утверждает, что «территория, принадлежащая племени, разделена между его членами. Каждая семья имеет исключительное наследственное право на часть племенных земель, которая называется по имени своего собственника»³⁰. Он же пишет, что без разрешения главы семьи никто не имеет права охотиться на принадлежащей ей земле или даже ходить по ней»³¹. (В. Шмидт считал, что именно свидетельство Доусона делает несомненным факт существования у аборигенов Австралии индивидуальной собственности на землю³².) Сопоставим это утверждение с тем, что говорит сам Доусон о фактических отношениях собственности на объекты охоты (причем Доусон подчеркивает, что речь здесь идет о «строгих правилах»): «Когда охотник приносит дичь в лагерь, он отказывается от всяких притязаний на нее и должен стоять в стороне, позволяя раздать все лучшие части и удовлетворяясь сам худшими. Если присутствует его брат, с ним обращаются точно так же... Рассказывавший об этом обычаях сказал, что когда он был очень молод, то часто обижался, так как его отец отдавал другим лучшие куски птиц и животных и лучших угрей; но ему говорили, что таково правило и оно должно соблюдаться»³³. Следовательно, утверждение о наследственном разделе территории племени между его членами не выражает реального экономического содержания. Запрещение охотиться на участке какой-либо семьи теряет всякий экономический смысл, если продукты охоты ее членов подвергаются широкому общественному распределению, далеко выходящему, как видно из приведенного сообщения, за пределы семьи (охотник, его брат и сын довольствуются худшей частью добычи).

Весьма характерны свидетельства такого авторитетного исследователя коренного населения Австралии, как Эдуард Керр. В своих «Воспоминаниях о скваттерстве в Виктории» Керр писал: «Я не сомневаюсь в том, что как индивидуумы, так и семьи у бангеранг (одно из племен р. Муррей.— Г. Х.) имеют особые права на определенные земли, но практически они на этом мало настаивали. Если бы, однако, это право попытался нарушить кто-либо, не принадлежащий к данному племени, то сразу же возник бы *casus belli*»³⁴. Итак, практически реализуется и охраняется не право индивидуума или семьи внутри данной группы на определенный участок территории, а право группы в целом на использование всей своей территории. Практика же, как известно, является критерием истины. В своем вышедшем позже основном труде «Австралийская раса» Керр рассматривает этот вопрос более подробно. Он пишет: «Я говорил о том, что территория племени используется сообща; но нет сомнения, что у многих племен земля поделена на части, каждая из которых является личной собственностью отдельного мужчины. Границы этих участков известны, но без особой точности, и я никогда не слышал о случае их искусственного обозначения, как в общих словах утверждали некоторые авторы... Но хотя во многих случаях мы знаем, что земли племени п о м и н а л ь н о поделены между его членами, ф а к т и ч е с к и они используются сообща,

²⁹ С. Е. Jung, Westaustralien, «Globus», т. 32, 1877, стр. 348.

³⁰ J. Dawson, Australian Aborigines, Melbourne, 1881, стр. 7.

³¹ Там же.

³² W. Schmidt, Указ. раб., стр. 245.

³³ J. Dawson, Указ. раб., стр. 22.

³⁴ E. M. Curr, Recollections of Squatting in Victoria, Melbourne, 1883, стр. 244.

и по нескольким причинам они должны были всегда использоваться таким образом. Прежде всего потому, что племя, члены которого постоянно жили бы на отдельных участках земли, неизбежно было бы разрезано на части военными отрядами его врагов. Поэтому потребности военной защиты заставляют племя соединяться в группы. Но потребности добычи пищи с еще большей необходимостью приводили к использованию земель сообща³⁵.

Пауль Фельше пишет, что «каждая семья или род в племени имеют свой особый участок», но тут же добавляет: «Я никогда не слышал о какой-либо ссоре из-за границ. Все семьи или роды без разбора располагаются лагерем вместе на любом выбранном ими участке внутри племенных границ»³⁶.

Столь же двойственный характер носит сообщение Вальтера Рота. Он говорит о земельных участках, принадлежащих отдельным семьям, но по его же словам «община как целое имеет право охотиться и кочевать» в пределах своей территории³⁷. Рот ссылается на большое гостеприимство туземцев, вследствие которого соседние семьи обычно «приглашают» друг друга (т. е. фактически используют территорию совместно). В другой работе Рот отмечает сезонные «миграции племени» (очевидно, локальной группы), обусловленные поисками животных и соответствующих сезону растений³⁸, что также свидетельствует о праве группы на использование всей своей территории.

Б. Малиновский, рассматривая данный вопрос, характеризует это явление как «нематериальное притязание членов семей на часть локального района» и замечает, что «представляется проблематичным, имеет ли это какой-либо экономический характер»³⁹.

Обратимся к экономическим отношениям у австралийцев как представителей определенной стадии развития общества. При рассмотрении этих отношений от наиболее непосредственных их проявлений к более глубоким экономическим факторам, и наоборот нам удастся выяснить характер интересующих нас отношений собственности на данной стадии общественного развития.

Наиболее непосредственно проявляющиеся в этнографическом материале экономические отношения — это отношения распределения, которые представляют собой яркое «выражение исторически определенного отношения производства»⁴⁰. Этнографические данные об отношениях рас-

³⁵ E. M. Curr, *The Australian Race*, т. I, Melbourne — London, 1886, стр. 64—65. (Разрядка моя — Г. Х.) А. Кальверт также отмечает у австралийцев как племенную, так и «индивидуальную» собственность на землю, но в отличие от Керра не отдает себе отчета в их практической несовместимости (см. A. F. Calvert, *The Aborigines of Western Australia*, London, 1894, стр. 20, 25, 34).

³⁶ P. Foelsche, *On the Manners, Customs, etc. of some Tribes of the Aborigines in the Neighbourhood of Port Darwin and the West Coast of the Gulf of Carpentaria*, North Australia, «The Journal of the Royal Anthropological Institute», т. 24, 1894—1895, стр. 195.

³⁷ W. E. Roth, *Notes on Government, Morals and Crime*, «North Queensland Ethnography», Bulletin № 8, 1906, стр. 8.

³⁸ W. E. Roth, *Food: its Search, Capture and Preparation*, «North Queensland Ethnography», Bulletin № 3, 1901, стр. 7.

³⁹ B. Malinowski, *The Family among the Australian Aborigines*, London, 1913, стр. 152. О том, что у аборигенов Австралии притязания отдельных лиц на определенные участки групповой территории не имеют экономического характера, свидетельствует также недавнее сообщение М. Гартрелл (M. Gartrell, *Dear Primitive*, Sydney, 1957, стр. 106). Упомянувшееся выше утверждение Ф. Маккарти о существовании у австралийцев «индивидуальных наследуемых прав» отдельных лиц на землю опровергается описанной им же системой фактически существующих отношений (см. «The Australian Encyclopaedia», т. I, стр. 30—35). Последнее по времени сообщение Дж. Беккетта содержит то же противоречие, что и разбиравшиеся нами выше свидетельства других авторов (см. J. Beckett, *Further notes on the social organization of the Wongaibon of Western New South Wales, Oceania*, т. XXIX, № 3, 1959, стр. 206).

⁴⁰ К. Маркс. Капитал. т. III. Госполитиздат. 1953. стр. 896.

пределения у австралийских племен⁴¹ свидетельствуют о том, что общественному распределению по твердо установленным правилам подлежат продукты не только коллективной, но и индивидуальной охоты. «Добыча охоты делилась бескорыстно, даже будучи продуктом частного труда»⁴².

Экономическая основа этого явления состоит в том, что господствующие производственные отношения подчиняют себе индивидуальную деятельность отдельного охотника. Хотя он и трудился индивидуально, но его труд является общественно распределенным трудом, необходимым обществу. Поэтому общество заявляет свое право на добытый продукт. Распределение труда на основании половозрастных признаков оформляется яркими обрядами посвящения, различными обычаями. Такие обряды и обычаи, описанные многими авторами, в особенности Хауиттом, Спенсером и Гилленом, конечно, далеко не сводятся к распределению общественного труда, но оно, несомненно, является одной из общественных функций таких обрядов⁴³.

Труд с его материально-конкретными особенностями с самого начала распределяется обществом на данной ступени развития между своими членами и учитывается этим обществом непосредственно как необходимый и полезный труд. Поэтому с самого начала труд здесь в его конкретной форме является непосредственно общественным трудом. Такой заранее данный общественный характер труда делает продукт всеобщим и имеет своим следствием участие отдельного лица в коллективном распределении и потреблении. «Общинный строй, являющийся предпосылкой производства, не позволяет труду отдельного лица быть частным трудом и продукту его быть частным продуктом; напротив, этот строй обуславливает, что отдельный труд выступает непосредственно как функция члена общественного организма», — писал К. Маркс⁴⁴.

Чтобы правильно понять общественное значение и причины существования экономической системы данного типа, нужно иметь в виду следующее обстоятельство: коллективистский характер производственных отношений здесь не является следствием того, что сами орудия производства допускают лишь коллективное употребление. Орудия производства на данной ступени развития являются орудиями в основном индивидуального изготовления и индивидуального пользования⁴⁵. Но производительность труда, совершаемого с помощью таких орудий, недостаточно высока для того, чтобы обеспечить существование отдельно взятого человека. В силу этого экономическое обособление отдельных лиц и возникновение частной собственности на данной стадии развития общества невозможно, и производственные отношения являются необходимо коллективистскими по своему характеру, опосредствуя индивидуальную деятельность членов группы.

В этом заключается самая глубокая экономическая основа первобытного коллективизма. «Этот первобытный тип коллективного или кооперативного производства был, разумеется, результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства», — писал К. Маркс⁴⁶. Поэтому индивидуальная деятельность австралийца в эко-

⁴¹ См. особенно A. W. Howitt, *The Native Tribes of South-East Australia*, London, 1904, стр. 756—770.

⁴² E. Curr, *The Australian Race*, т. III, 1887, стр. 174.

⁴³ См., например, A. W. Howitt, Указ. раб., стр. 560—563, 594, 632—639; B. Spencer and F. Gillen, *The Native Tribes of Central Australia*, London, 1899, стр. 347; и х же, *The Northern Tribes of Central Australia*, London, 1904, стр. 337—338.

⁴⁴ К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1951, стр. 19.

⁴⁵ См., например, D. Collins, Указ. раб., т. I, стр. 598; E. M. Curr, *Recollections of Squatting in Victoria*, стр. 265; A. Knabenhans, *Die politische Organisation bei den Australischen Eingeborenen*, Berlin und Leipzig, 1919, стр. 106; D. F. Thomson, *Economic Structure and the Ceremonial Exchange Cycle in Arnhem Land*, Melbourne, 1949, стр. 56.

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 681.

номическом отношении подчинена общественным условиям производства, которые превращают эту деятельность в непосредственно общественную функцию; каждый индивидум австралийской группы непосредственно трудится как член общественного организма.

Общественные требования такого рода к индивидууму проходят через всю систему воспитания и ярко выражаются в церемониях посвящения, в результате чего «зоологический индивидуализм» оказывается преодоленным и отдельные индивидуумы функционируют лишь как органы совокупной рабочей силы общества. Не пройдя обрядов посвящения, юноша не может стать полноценным членом общества. Общественные требования к индивидууму, содержание которых, как мы видим, обуславливается экономической структурой производства, выражаются, в частности, и в отношениях распределения. Выяснив экономические основы коллективизма на данной стадии развития человеческого общества, мы можем вернуться к непосредственной форме проявления коллективизма у австралийцев, отношениям распределения, и точнее определить их общественную роль.

Понятие «уравнительное распределение» в применении к первобытному обществу представляется нам не вполне адекватным: оно концентрирует внимание на количественной стороне. Между тем суть дела заключается в качественном экономическом равенстве, а «уравнительное» распределение как таковое здесь далеко не всегда осуществимо. По нашему мнению, термином, наиболее адекватно выражающим сущность данной системы отношений распределения, является термин «равнообеспечивающее распределение». Это значит, что равно всем членам коллектива обеспечивается известный минимум средств существования. Такое равенство и осуществляется в действительности. Равнообеспечивающее распределение осуществляется не прямо и непосредственно в каждом данном случае. Однако, когда распределение рассматривается так, как оно реально существует, т. е. как процесс, охватывающий всю группу и всю совокупность единичных случаев распределения, то становится очевидным, что равнообеспечивающее распределение пробивает себе дорогу и осуществляется в действительности. Тем самым достигается основная экономическая цель объединения в общину — обеспечение всем членам коллектива достаточного количества средств существования. В этом отношении все члены коллектива равны. Это равенство в данных условиях исключает возможность какой бы то ни было формы частной собственности, так как оно является следствием общественного характера труда каждого индивидуума, результатом непосредственного включения его, как носителя общественно-необходимой функции, в общественное производство и потребление. Это положение противоположно той материальной обособленности и непосредственно частному (лишь опосредствовано общественному) характеру труда, которые отличают положение каждого собственника в системе отношений частной собственности. Частная собственность на средства производства неизбежно вызывает развитие экономического неравенства и возникновение отношений эксплуатации.

Таким образом, реально существующие в родовом обществе производственные отношения не оставляют места для какой-либо формы частной собственности. Весь способ производства в данном обществе противоречит этому. Возникновение частной собственности связано со становлением частного характера труда, материальной обособленности производителя. Материальная же обособленность при данном уровне развития орудий производства экономически невозможна. Конспектируя книгу Л.-Г. Моргана, Маркс отметил: «Морган ошибается, если думает, что *одно лишь огораживание* уже указывает на наличие частной собственности на землю»⁴⁷. Указать на наличие такого рода явле-

⁴⁷ Архив Маркса и Энгельса, т. IX, стр. 51.

ния может лишь система производственных отношений, анализом которой только и возможно научно установить существование частного характера отношения к средствам производства. Для идеолога же частной собственности достаточно того, что абориген называет участок земли «своим», чтобы объявить существование частной собственности доказанным.

III. Ковэн был совершенно прав, когда писал, возражая Коллинзу, Грею, Эйру и Лангу, сообщавшим о существовании у австралийцев индивидуальной собственности на землю: «Этот вопрос требует тщательного изучения, и путешественники не должны полагаться на слова случайно встреченного аборигена»⁴⁸.

Ф. Герштекер, сообщая о наличии индивидуальной наследуемой собственности на землю у австралийцев, отмечал, что об этом узнали только благодаря изучению их языка⁴⁹. Действительно, никаким исследованием производственных отношений не обнаружишь того, что существует только в языке. Однако для Герштекера это оказалось достаточным основанием, чтобы заявить о существовании у австралийцев наследуемой собственности на «определенные участки земли, которые переходят от отца к сыну... с такой же регулярностью, как собственность в Европе или любой другой цивилизованной части света»⁵⁰. «Порой они обмениваются землей с какой-нибудь другой семьей», — пишет Герштекер. Очевидно, так воспринял европеец, считающий частную собственность естественным явлением, совместное использование различными семьями «своих» и «чужих» участков. Замечание Герштекера о том, что «некоторые имеют большие участки земельной собственности, тогда как другие совершенно ничего не называют своим»⁵¹, говорит само за себя: эти «другие», будучи такими же членами группы, пользуются ее общей территорией для охоты и других хозяйственных целей наравне с «некоторыми», ничем в этом (т. е. в экономическом) отношении от них не отличаясь. В том, что это так, убеждает нас не кто иной, как сам Герштекер, когда он описывает охоту австралийцев на эму: «Обнаружив их на равнине, аборигены обычно окружают этих австралийских страусов всем племенем и устраивают на них настоящую облаву»⁵². Здесь мы имеем дело с фактически существующими отношениями. Нетрудно заметить, что такая деятельность была бы невозможной при той системе земельной собственности, которую изобразил Герштекер.

Итак, из рассмотренных выше свидетельств и общей характеристики экономических отношений у австралийцев можно сделать следующие выводы: 1) существует номинальное распределение территории между отдельными семьями и индивидуумами, признанное членами локальной группы; 2) реально функционирующими отношениями являются отношения общественной собственности.

Доказательством второго положения, представляющего для нас особую важность, задача еще не исчерпывается. Необходимо объяснить возникновение такого номинального распределения территории группы. Вопрос этот является весьма сложным. Первая серьезная попытка решения этого вопроса на основе сопоставления свидетельств различных авторов с реальной экономической жизнью австралийцев принадлежит Р. Броу-Смиту. Справедливо указывая на отсутствие у австралийцев индивидуаль-

⁴⁸ Ch. Cauvin, *Mémoire sur les races de l'Océanie*, «Archives des missions scientifiques et littéraires», 3-me série, т. VIII, Paris, 1882, стр. 420.

⁴⁹ «Reisen von F. Gerstäcker», т. IV, Stuttgart und Tübingen, 1854, стр. 347.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же, стр. 347—348.

⁵² Там же, стр. 151. Подобным же образом опровергает свое утверждение о разделении территории различных племен между их членами С. Ньюлэнд, (см. S. Newland, *The Parkengees, or Aboriginal Tribes on the Darling River*, «Proceedings of the Royal Geographical Society of Australasia (South Australian Branch) for 1887—88», т. II, стр. 5—14 с оттиском).

ной собственности на землю «в обычном смысле этого слова», Броу-Смит объяснял притязания отдельных лиц на определенные участки земли сезонным уходом нескольких семей, составляющих племя (т. е. локальную группу), в различные районы племенной территории. В этом случае глава каждой семьи отправляется, по мнению Броу-Смита, в тот район территории группы, куда в подобных случаях ходил его отец. Это обстоятельство в сочетании с «некоторыми привилегиями, которые туземец имеет благодаря рождению в данной местности», объясняет, как считает Броу-Смит, притязания отдельных лиц на определенные участки земли⁵³.

Предложенное Броу-Смитом объяснение имеет существенные недостатки. Отдельные семьи, входящие в состав группы, посещают при временном ее расхождении в различные сезоны самые разные (а не строго определенные) участки групповой территории, которые посещаются, в свою очередь, и другими семьями, так что здесь не может возникнуть повода для притязаний отдельной семьи на данный участок (сам Броу-Смит не приводит никаких доказательств того, что отдельные семьи пользуются в таких случаях какими-нибудь определенными участками территории группы, — он лишь говорит, что это «более чем вероятно»). Это относится как к главе каждой семьи, так и к его отцу, о котором упоминает Броу-Смит. Если бы предположение Броу-Смита было верно, то это значило бы, что у австралийцев уже возникла определенная и закрепленная экономическая дифференциация между отдельными семьями в использовании земли, принадлежащей группе в целом. Но ничего подобного в действительности не наблюдается. Зерно истины⁵⁴ в объяснении Броу-Смита заключается скорее в упоминании о «некоторых привилегиях», которые связаны с рождением австралийца в определенной местности. К сожалению, Броу-Смит не разъясняет, какие именно привилегии он имеет в виду; ясно, однако, что они не имеют экономического характера, так как сам Броу-Смит указывает на отсутствие у такого «собственника» каких-нибудь реальных прав на данный участок, которые выделяли бы его из числа других членов локальной группы.

Э. Керр, установив оба ряда фактов, противоречащих друг другу, не смог объяснить их сосуществования и поэтому вынужден был прийти к следующему выводу: «Идея индивидуальной собственности на землю, существующая в наших племенах при условиях, не дающих этой идее возможности приносить плоды, кажется пережитком других эпох и приводит к заключению, что предки австралийской расы возделывали⁵⁵ почву до своего переселения на этот континент»⁵⁴. Такой вывод совершенно не обоснован и не находит подтверждения ни в экономике, ни в фольклоре австралийцев.

Джон Фрезер, указав на эти противоречивые явления, отказался дать какое-либо положительное объяснение распределению территории группы между индивидуумами: «Это выглядит как претензия на частную собственность на землю, но так как это противоречит общинной системе, господствующей во всех племенах, я не признаю силы этих данных, пока они не будут установлены более твердо», — пишет он⁵⁵. Фрезер занимает правильную позицию, признавая систему общественной собственности, но делает это ценой простого отказа истолковать противоречивые факты.

Дж. Уилер, приводя факты того и другого рода, отмечает, что «свидетельства иногда противоречивы и вообще не очень ясны»; тем не менее он считает возможным заявить, что они «указывают на существование, по крайней мере в некоторых областях Австралии, того, что должно счи-

⁵³ R. Brough Smyth, *The Aborigines of Victoria*, т. I, London, 1878, стр. 144—147.

⁵⁴ E. M. Curr, *The Australian Race*, т. I, стр. 65—66.

⁵⁵ J. Fraser, *The Aborigines of New South Wales*, Sydney, 1892, стр. 36.

таться частной собственностью на землю»⁵⁶. Уилер указывает далее, что право индивидуумов или семей на землю в общем подчинено более высокому племенному праву, но не объясняет, каким образом сочетаются эти права и какой смысл в этом случае могла бы иметь признаваемая им частная собственность на землю. Таким образом, указанная Уилером противоречивость и неясность свидетельств не была им преодолена и рационально истолкована.

Г. Кунов объясняет дело тем, что уменьшившаяся по каким-нибудь причинам орда присоединяется к соседней и члены первой орды, несмотря на пользование увеличившейся ордой обеими территориями, продолжают рассматривать прежнюю территорию как свою особую собственность⁵⁷. Это объяснение неудовлетворительно, так как предполагаемое присоединение территории есть почти беспрецедентное явление в силу тотемической ассоциации группы со своей территорией, ассоциации, далеко выходящей за рамки экономических связей. Дэйзи Бэйтс, проведшая около сорока лет с австралийцами, пишет: «Район, лишенный своих владельцев, является «осиротевшей» землей, и ни одна соседняя группа не подумает о захвате этой земли»⁵⁸. «Люди могут драться и убивать друг друга, но земля никогда не переходит к другому владельцу», — говорят современные исследователи⁵⁹. Наконец, соображения Кунова не объясняют притязаний отдельных лиц на определенные участки земли. В. Шмидт, считая существование индивидуальной собственности на землю у австралийцев несомненным фактом, в соответствии со своей концепцией культурно-исторических слоев связывал такую собственность с «аграрно-матриархальным» слоем, ссылаясь при этом на мнение Керра о том, что предки австралийцев занимались земледелием⁶⁰. Бездоказательность этой концепции очевидна: земледелие было совершенно неизвестно австралийцам.

На наш взгляд, разрешение проблемы следует искать в области тотемизма. Австралиец связан с тем или иным участком территории своей группы тотемически. Ассоциация с определенным участком местности объясняется верой аборигенов в предсуществование душ, пребывающих в особом обиталищах; эта ассоциация связана для австралийца с целым комплексом тотемических представлений, ритуалов, мифов, преданий, миром предков и культурных героев, которые придают в его глазах данному участку особое, жизненно важное для него значение⁶¹. Эта особая связь отдельного лица с определенным участком территории группы устанавливается в каждом районе Австралии различным образом, но она всегда является необходимым звеном в комплексе тотемических представлений, отводящих каждому рождающемуся индивидууму определенное место в природе и обществе и непосредственно связывающих каждого из них с миром предков. Поэтому австралиец особенно привязан к этому участку земли, называет его своим, даже в известной степени отождествляет себя с ним. Это отнюдь не мешает использованию группой в целом или отдельными ее членами таких участков для любых видов производственной деятельности. «Таким

⁵⁵ G. S. Wheeler, *The Tribe and Intertribal Relations in Australia*, London, 1910, стр. 45. К сходному выводу в отношении племени Южной Австралии склонялся А. ван Геннеп (см. A. van Gennep, *Les marques de propriété chez les indigènes de l'Australie*, «Revue des traditions populaires», т. XXI, № 3, 1906, стр. 115).

⁵⁷ Г. Кунов, *Всеобщая история хозяйства*, т. I, М.—Л., 1929, стр. 57—58.

⁵⁸ D. Bates, *The Passing of the Aborigines*, London, 1938, стр. 110; см. е. е. же, *The Marriage Laws and some Customs of the West Australian Aborigines*, «Victorian Geographical Journal», т. 23—24, 1905—1906, стр. 53.

⁵⁹ R. M. Berndt and C. H. Berndt, *The First Australians*, Sydney, 1952, стр. 35. См. также: W. L. Warner, *A Black Civilization*, New York and London, 1937, стр. 18—19.

⁶⁰ W. Schmidt, *Указ. раб.*, стр. 249—250.

⁶¹ См. A. P. Elkin, *The Secret Life of the Australian Aborigines*, «Oceania», т. III, № 2, 1932, стр. 129—130. См. также: A. Lommel, *Die Unambal*, Hamburg, 1952, стр. 13—14. А. Элькин, *Коренное население Австралии*, М., 1952, гл. VIII.

образом, так называемый владелец находится скорее в формальном, церемониальном, чем в практическом отношении к своему владению»⁶². Эта церемониальная связь с определенными участками местности, как справедливо отмечает Вальтер Маннцен, относится к области идеологических представлений, а не к области материальных прав⁶³.

Конечно, система тотемических представлений сама имеет определенную экономическую основу; но причины возникновения тотемизма ничего общего не имеют с экономическими условиями и причинами появления частной собственности на землю, возникающими на значительно более поздней, чем у австралийских племен, стадии общественного развития. Тотемический характер индивидуального «владения» тем или иным участком земли у австралийцев подтверждает следующее свидетельство: «Здесь можно провести сравнение слова, обозначающего лагерь — *daim*, со словом, обозначающим территорию орды — *poəgaim daim* (большой лагерь) и духовный центр — *wanuegoara daim* (малый лагерь). По-видимому, повторение слова *daim* указывает на одинаковое отношение ко всем этим трем местностям. Они представляют собой места, где туземец разводит огонь, спит и разсыкивает пищу. Это подтверждается часто встречающейся трудностью обнаружить *poəgaim daim* мужчины или женщины. Он имеет хорошо определенные границы и наименование, и все же туземец в ответ называет очень часто с полдюжины водоемов, т. е. мест, где он располагался лагерем и которые доставляли ему в изобилии дичь и пищу...»⁶⁴. Из них одно обычно является более важным, чем остальные: его *wanuegoara daim* — водоем, где отец нашел его как духовное дитя. Туземец рассматривает это место как особо свое собственное, хотя другие могут располагаться здесь лагерем. Он часто посещает это место, с гордостью упоминает о нем и при похоронах будет положен головой в его направлении. Эта связь является скорее духовной, чем чисто экономической»⁶⁵.

Это находит соответствующее отражение в языке, что и ввело в заблуждение многих наблюдателей. «Разговаривая, туземец всегда особенно подчеркивает притяжательное местоимение, и часто слышишь утверждение, что такой-то и такой-то владеет определенным духовным центром»⁶⁶. Этим объясняется и сообщение Коллинза: по его словам, австралиец Бенилонг «часто уверял» его в том, что один из островов является его собственностью, и был очень привязан к этому месту⁶⁷.

Предложенное объяснение представляется наиболее вероятным, так как оно позволяет понять подлинный смысл притязаний отдельных абори-

⁶² G. Röheim, Die Urformen und der Ursprung des Eigentums, «Internationales Archiv für Ethnographie», т. 28, 1927, стр. 19.

⁶³ W. Mannzen, Die Eingeborenen Australiens, Berlin, 1949, стр. 50.

⁶⁴ Согласно словарю языка туземцев Западной Австралии Дж. Мура, район, принадлежащий индивидууму, называется «Kalla». Буквально это слово означает «огонь», и им же обозначается место временного пребывания (Wingi Kalla значит: где ты сейчас расположился?). Образованное от этого корня слово «Kallip» означает детальное знакомство с местностью и, согласно Муру, употребляется также для обозначения собственности на землю (Ngan-na Kallip значит: моя земля). Само понятие собственности на землю Мур передает словом «Kallabudjor» (Kalla — огонь, Budjor — земля) (см. G. F. Moore, A Descriptive Vocabulary of the Language in Common Use amongst the Aborigines of Western Australia, стр. 39; в кн.: G. F. Moore, Diary of Ten Years Eventful Life of an Early Settler in Western Australia, London, 1884). Таким образом, австралиец может употреблять выражение «моя земля» для обозначения того места, где он в данный момент располагается лагерем и разводит огонь, и словом «Kalla» (по слову Мура — район индивидуума) он может в разное время называть самые различные участки территории группы. Следовательно, выражение «моя земля», вводящее в заблуждение авторов некоторых работ о коренном населении Австралии, у австралийца отнюдь не содержит утверждения об индивидуальной собственности (в экономическом смысле) на какой-либо участок территории группы.

⁶⁵ Ph. M. Kaberry, Aboriginal Woman, London, 1939, стр. 30—31.

⁶⁶ Ph. M. Kaberry, Spirit-children and Spirit-centres of the North Kimberley Division, «Oceania», т. VI, № 4, 1936, стр. 399.

⁶⁷ D. Collins, Указ. раб., т. I, стр. 599.

генов на определенные участки принадлежащей группе территории, исходя из реально существующей у австралийцев системы материальных отношений и идеологических представлений.

Чтобы правильно разобраться в отношениях собственности на данном этапе развития общества, нужно учесть, что в условиях отсутствия земледелия *с о б с т в е н н о з е м л я* (почва) не выступает как средство труда. «Сама земля,— писал Маркс,— есть средство труда, но функционирование ее как средства труда в земледелии, в свою очередь, предполагает целый ряд других средств труда»⁶⁸. Земля является здесь средством труда лишь в более широком смысле, согласно которому, как говорит Маркс, к средствам процесса труда относятся все материальные условия, необходимые для того, чтобы процесс мог вообще совершаться. Прямо они не входят в него⁶⁹.

Таким всеобщим средством труда является вся природа. Она — первоначальный арсенал средств труда и кладовая пищи человека. Как только начинается процесс производства, человек вовлекает в свою деятельность какие-то элементы из этого арсенала и таким образом реально присваивает их. Производство выступает в этом аспекте как присвоение посредством определенной общественной формы. Поэтому земельная, (в экономическом смысле слова) собственность существует везде и всегда, где существует какой-либо способ производства. Вся природа выступает здесь как естественная предпосылка труда. «Действительное *присвоение* посредством процесса труда происходит при таких *предпосылках*, которые сами не являются *продуктом* труда, но представляются его естественными или *божественными* предпосылками»⁷⁰, — говорит Маркс.

Реальным объектом собственности выступают те элементы, стороны природы, которые вовлекаются в процесс труда, действительно присваиваются посредством производства, опосредствуются производственными отношениями. Историческое прогрессивное развитие производства означает все большее расширение круга элементов, сторон, частей природы, вовлекаемых в процесс труда. Собственность и производство неразделимы и лишь став на такую точку зрения, мы поймем, что объект собственности развивается. Брать объект в его развитии — важнейшее требование диалектического метода. Поэтому сказать «земельная собственность» — значит сказать еще очень мало; это лишь указание на присвоение каких-то элементов земли — природы вообще (таков экономический смысл понятия земли).

Это положение не имеет ничего общего с утверждением Б. Ф. Поршнева о том, что «собственность на землю появляется только в эпоху разложения первобытно-общинного строя»⁷¹. Собственность на землю в широком экономическом смысле слова возникает и развивается, как было показано, вместе с возникновением и развитием производства. Что же касается собственности на землю в узком смысле слова (почву), то, она возникает вместе с началом вовлечения почвы в процесс производства, т. е. вместе с началом земледелия, которое, однако, отнюдь не является само по себе признаком разложения первобытно-общинного строя. Дело заключается в том, чтобы определить, на какой стадии развития находится собственность на землю, что из этого арсенала природы вовлечено в производственную деятельность и присваивается посредством процесса труда.

Таким образом, из факта тесной ассоциации первобытной группы с определенным участком земли нельзя делать вывод о том, что сущность

⁶⁸ К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1953, стр. 186.

⁶⁹ См. там же, стр. 187.

⁷⁰ К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, Госполитиздат, 1940, стр. 6.

⁷¹ Б. Ф. Поршнев, Проблема возникновения человеческого общества и человеческой культуры, «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 2, стр. 35.

этой ассоциации состоит в собственности на почву. Такого рода ассоциация не есть исключительное достояние человека, она имеется и у животных⁷². Этот факт ввел в заблуждение Летуэрно, дав ему основание говорить о земельной собственности у животных⁷³. В действительности же собственность возникает вместе с возникновением производства, следовательно, вместе с появлением человека. Уровень развития общественного производства является тем критерием, который позволяет установить, что именно выступает объектом собственности на определенной стадии истории общества.

За локальной группой австралийцев закреплена совершенно определенная территория, на которой эта группа охотится и собирает. Каков экономический смысл такого разделения самой земли? Объектом опосредствования производством здесь является не земля сама по себе, а животные и растения (а также места добычи камня, где они имеются), разделенные между группами и закрепленные за ними по признаку обитания на данной территории. Они выступают как объекты, вовлекаемые в процесс труда и поэтому действительно присваиваемые. У тех австралийских племен, главным занятием которых служило рыболовство, имело место разделение русла реки между различными локальными группами. Экономический смысл владения частью русла реки в этом случае заключался прежде всего в собственности на рыбу — средство производства для рыболовства и иные объекты хозяйственной деятельности в пределах данной территории⁷⁴.

Приводимый ниже этнографический материал также показывает, что экономический смысл разделения земли у тех племен, главным занятием которых является охота и собирательство, заключается в разделении именно животных и растений. «Местность локальной группы, со всеми ее животными, растительными и минеральными богатствами, принадлежит членам группы сообща. Каждый из них имеет право охотиться на территории своей группы в любое время. Ему нельзя, однако, охотиться на территории какой-нибудь другой локальной группы без разрешения ее владельцев. По-видимому, это правило имело единственное исключение в том случае, когда охотник преследовал кенгуру или эму и животное перешло через границу на территорию соседей, где он мог преследовать или убить его. Охота или собирание растительных плодов на территории другой локальной группы является проступком, и в прежние времена наказанием за это была смерть»⁷⁵.

Исключение такого рода показывает, что именно является реальным объектом собственности. Как следует из приведенного сообщения, австралиец реализует свое право собственности на принадлежащий ему объект даже на чужой территории, потому что экономические отношения включают этот объект в сферу действительного присвоения и превращают притязания группы в целом и ее отдельных членов на эти объекты в реальное право собственности на них. При столкновении принципа ненарушаемости территории с принципом собственности на дичь первый из них перестает действовать и снимается в пользу второго. Отсюда видно,

⁷² См., например, R. M. Yerkes and A. W. Yerkes, *The Great Apes*, London, 1929, стр. 435; см. также C. R. Carpenter, *A Field Study in Siam of the Behavior and Social Relations of the Gibbon (Hylobates Lar)*, «Comparative Psychology Monographs», т. 16, 1940, стр. 152—164.

⁷³ Ch. Letourneau, *L'évolution de la propriété*, Paris, 1889, стр. 5—7.

⁷⁴ По этому поводу К. Маркс остроумно заметил: «Представляется парадоксальным называть, напр., рыбу, которая еще не поймана, средством производства для рыболовства. Но до сих пор еще не изобретено искусство ловить рыбу в водах, в которых ее нет» (К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1953, стр. 188, прим. 6). Рыба выступает в данном случае как предмет труда, следовательно, как средство производства, и является поэтому объектом собственности.

⁷⁵ A. R. Brown, *Three Tribes of Western Australia*, «The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», т. 43, 1913, стр. 146.

что смысл разделения территории различных групп состоит не в том, чтобы запретить членам других групп вступать на землю данной группы, а в том, чтобы закрепить за данной группой объекты ее реального присвоения, которые и выступают действительными объектами собственности. Ненарушаемость территориальных границ оказывается лишь формой проявления собственности на животных и растения внутри данной территории. Нарушением права собственности является не просто переход границ — аборигены различных групп очень часто посещают друг друга, — а переход с определенной целью. Об этом говорит следующее сообщение: «Никакого действительного или индивидуального права, по-видимому, не принадлежало какому-нибудь лицу на особый участок этой территории; не было даже права наследования, племенного или индивидуального, на самую землю; существовало просто право на дичь, которая обитала на этой территории. И это право принадлежало племени как целому, и каждый пользовался таким правом вместе с остальными людьми, составляющими племя. Любой другой, покушающийся на дичь или переходящий границу с такой целью, рассматривался как правонарушитель. У него требовали дать отчет о себе, и если он не был уполномочен как посол или вестник, вероятнее всего он платился жизнью»⁷⁶.

Характеризуя австралийцев, Р. Сальвадо особо отмечает «право собственности, которое дикари имеют на дичь и другие съедобные объекты, находящиеся в пределах определенной территории, — право, к которому они относятся крайне ревниво»⁷⁷. По словам Тома Петри, «племя в целом владело животными и растениями, а также корнями и гнездами, которые находились на его территории»⁷⁸. В некоторых сообщениях отмечается, что племя, приглашающее к себе соседей в период созревания плодов бунья-бунья и разрешающее им принимать участие в сборе и потреблении этих плодов, запрещает иноплеменникам охотиться на диких животных в своем районе⁷⁹.

Интересно в этой связи отметить, что в ранний период колонизации австралийцы жаловались не столько на то, что европейцы вообще поселились в Австралии, — в литературе можно найти множество примеров доброжелательного отношения коренного населения к европейцам, — сколько на то, что поселенцы убивали кенгуру. «Удивительно, что они... ограничивались жалобами на истребление белыми кенгуру; и они считали большой жестокостью наказывать их за то, что они убивают кенгуру белых людей (овцу или быка)»⁸⁰, — читаем мы в отчете одной исследовательской экспедиции. «Белые приходят, и все кенгуру исчезают» — вот в чем с самого начала обвиняли колонизаторов австралийцы⁸¹, считая, что они имеют право на овец, которые вытеснили кенгуру⁸². Об этом же говорит известный путешественник Т. Митчелл⁸³.

Владение определенной землей для австралийца есть вместе с тем (а экономически — прежде всего) владение всеми животными в пределах

⁷⁶ E. Palmer, Notes on Some Australian Tribes, «The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», т. 13, 1884, стр. 278.

⁷⁷ R. Salvado, Указ. паб., стр. 203.

⁷⁸ C. C. Petrie, Tom Petrie's Reminiscences of Early Queensland, Brisbane, 1904, стр. 117.

⁷⁹ См. R. Brough Smyth, Указ. паб., т. I, стр. 218—219; см. также J. Healy, Aboriginal People of Australia, Sydney, 1948, стр. 74—75; W. Ridley, Kamilaroi and other Australian Languages, Sydney, 1875, стр. 159.

⁸⁰ Ch. Wilkes, Narrative of the United States Exploring Expedition, т. II, Philadelphia, 1844, стр. 271.

⁸¹ E. Delessert, Souvenirs d'un voyageur à Sydney, Paris, 1847, стр. 229; см. также W. Howitt, Abenteuer in den Wildnissen von Australien, Berlin, 1856, стр. 284; Th. F. B. Bride, Указ. паб., стр. 221—222.

⁸² G. Bennett, Wanderings in New South Wales, т. I, London, 1834, стр. 326—327.

⁸³ T. L. Mitchell, Three Expeditions into the Interior of Eastern Australia, т. II, London, 1839, стр. 351.

данной территории, на которых может производиться охота. Известный исследователь Австралии Чарльз Стерт в письме, опубликованном Эйром, приводит следующую характерную черту своих отношений с австралийскими племенами, по территории которых он проходил со своей экспедицией: «Убедившись также, что они рассматривают кенгуру как свою собственность, мы почти всегда отдавали им всех животных, которых убивали наши собаки»⁸⁴.

Дж. Ланг отмечал, что «каждое племя имеет свой район, границы которого хорошо известны всем туземцам, и внутри этого района все дикие животные считаются... собственностью того племени, которое населяет этот район или, скорее, кочует по всей его территории»⁸⁵. Ланг, сравнивая собственность австралийцев на диких животных своего района с собственностью европейцев на разводимый ими скот, пишет: «Единственное отличие заключается в том, что кенгуру не отмечены особым клеймом»⁸⁶. Аналогичное мнение высказывают и другие авторы⁸⁷. Примечательно, что такое сравнение делали сами австралийцы. По сообщению Хейгарта, австралиец, которого пастух обвинил в незаконном нападении на вверенный ему скот, в ожесточенном споре «довольно убедительно доказал», что «его племя, первоначально владевшее этим районом, имеет такое же право добыть себе здесь кусок мяса, какое имеют белые на то, чтобы своим вторжением и пребыванием изгонять эму и кенгуру, которых черные называют своим скотом»⁸⁸.

Рассматриваемое явление не составляет специфической особенности экономического уклада у коренного населения Австралии. Мы имеем здесь дело с более широкой закономерностью, которая характеризует любое общество на той стадии его развития, когда охота и собирательство выступают в качестве главных источников существования. Геккевельдер сообщает, что среди индейцев имеются племена, претендующие на исключительное право охоты внутри известных границ и не позволяющие, «чтобы другие переходили эти границы и отнимали у них принадлежащую им дичь (ihr Wild), как они ее называют»⁸⁹. Чиппева разрешили индейцам из племени ленапов поселиться на своей территории, где те и жили несколько лет, но дело сразу изменилось, когда поселенцы стали охотиться. «Чиппева ничего не имели против того, чтобы те занимались земледелием, но каждый олень, каждый енот или какой-нибудь другой зверь, которого они убивали или ловили, вызывал у их хозяев неудовольствие; впоследствии чиппева стали так настаивать на том, чтобы ленапы покинули их землю, что тем пришлось в конце концов уйти»⁹⁰.

Совершенно очевидно, что в качестве объекта собственности чиппева рассматривали не самую землю (почву) — ленапы могли беспрепятственно пользоваться ею для земледелия, — а имевшихся на этой территории животных. У селкнамов Огненной земли, живших главным образом

⁸⁴ См. Е. Еуге, Указ. раб., т. II, стр. 472; см. также Ch. Sturt, Narrative of an Expedition into Central Australia, т. I, London, 1849, стр. 112; E. Millett, An Australian Parsonage, London, 1872, стр. 227—228.

⁸⁵ G. Grey, Указ. раб., т. II, стр. 233.

⁸⁶ Там же, стр. 234.

⁸⁷ W. Pridden, Australia, its History and Present Conditions, London, 1843, стр. 74; J. Stephens, The Land of Promise, London, 1839, стр. 72.

⁸⁸ H. W. Haysgarth, Recollections of Bush Life in Australia, London, 1848, стр. 107. Имеется ряд сообщений о том, что аборигены проявляли своеобразную заботу о кенгуру, сознательно выжигая старую траву, чтобы обеспечить для кенгуру пастбища с молодой травой. Этот прием стали затем применять и белые поселенцы-скотоводы (см. G. Grey, Указ. раб., т. II, стр. 235; J. D. Lang, Phillippsland, London, 1847, стр. 145; T. L. Mitchell, Journal of an expedition into the interior of Tropical Australia, London, 1848, стр. 306, 412—414).

⁸⁹ I. Heckewelder, Nachricht von der Geschichte, den Sitten und Gebräuche der Indianischen Völkernschaften, Göttingen, 1821, стр. 289.

⁹⁰ Там же, стр. 289—290.

за счет охоты, именно объекты ее были, соответственно, и объектами собственности. «Для селкнама земля имеет значение лишь постольку, поскольку на ней имеются животные, на которых ведется охота, потому что именно от этих животных зависит его собственная жизнь и повседневная производственно-трудовая деятельность общины»⁹¹. Не принадлежавшие к локальной группе должны были для входа на ее территории получить особое разрешение; при дружественных отношениях в таком разрешении отказывали в очень редких случаях. Но если посетители нуждались в пище, то им не позволяли ходить на охоту. Они могли получать лишь часть тех животных, которые были убиты членами данной группы. «Когда гости в редких случаях ходили на охоту вместе с владельцами, то убитые ими животные ни в коем случае не считались их собственностью»⁹². Они могли получить долю добычи только от старшего из членов данной группы. Здесь даже собственный труд гостей, затраченный на то, чтобы добыть животное при охоте, не превращал добытых ими животных в их собственность. Объясняется это именно тем, что даже не пойманные или не убитые животные на территории данной группы являются, тем не менее, ее собственностью. Эта собственность охраняется весьма тщательно, тогда как простой приход членов других групп на указанную территорию при существовании мирных отношений — довольно обычное дело.

Р. О'Коннор отмечал, что аборигены Тасмании «относятся к своим охотничьим территориям так же ревниво, как поселенцы к своим фермам, и выражают недовольство, если обнаруживают, что... поселенцы охотятся на их территории»⁹³. В пределах своих групповых территорий тасманийцы, очевидно, рассматривали животных — объекты охоты, — как свою собственность. Об этом свидетельствуют неоднократно встречающиеся в дневнике Р. Кнопвуда (1805—1808) упоминания о том, что тасманийцы отбирали у охотившихся англичан убитых ими кенгуру⁹⁴. Один из научившихся говорить по-английски тасманийцев, отвечая на вопрос губернатора Тасмании Артура о причинах враждебности коренного населения острова к англичанам, обвинял колонизаторов в зверском истреблении тасманийцев и в том, что колонизаторы отняли у тасманийцев их «кенгуровые земли» (kangaroo ground), или даже, как он говорил, их «валлябиевые земли» (his own Wallaby ground)⁹⁵. Тем самым этот тасманиец хотел сказать, что ценность данных земель для коренного населения острова заключалась в тех кенгуру, или даже в том особом виде кенгуру — валляби, которые водились на этих землях и на которых тасманийцы охотились. Другими словами, экономический смысл владения землей у тасманийцев заключался в собственности на объекты охоты (и собирательства), имевшиеся на данной земле. Отняв эти земли у тасманийцев, колонизаторы лишили их средств к существованию. Полное истребление аборигенов Тасмании показывает, какие «блага» приносит колониализм отставшим в экономическом развитии народам.

Приведенные факты подтверждают, что собственность группы на определенный участок земли в тех условиях, когда основным видом дея-

⁹¹ M. Gusinde, *Die Feuerland Indianer*, т. I, *Die Selk'nam*, Mödling bei Wien, 1931, стр. 424.

⁹² Там же, стр. 428.

⁹³ «Copies of all correspondence... on the subject of the military operations lately carried on against the aboriginal inhabitants of Van Diemen's Land», стр. 55 (в кн.: *Colonies and Slaves. One volume... Session 14 June — 20 October, 1831*, т. XIX, London, 1831).

⁹⁴ «The Diary of the Rev. Robert Knopwood, 1805—1808», «Papers and Preceedings of the Royal Society of Tasmania for the year 1946», Hobart, 1947, стр. 119; «Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania for the year 1947», Hobart, 1948, стр. 74.

⁹⁵ См. H. Melville, *Australasia and Prison Discipline*, London, 1851, стр. 360—361.

тельности данной группы является охота и собирательство, есть, в сущности, собственность на объекты данной производственной деятельности, имеющиеся на данном участке, как это вытекает из существующей системы производственных отношений. Именно в этом заключается экономический смысл владения определенным участком земли на данном этапе общественного развития.

Но это еще раз доказывает полную несостоятельность теорий, «открывающих» существование частной собственности на землю на том этапе развития общества, представителями которого являются австралийские племена. Субъектом собственности на животных в пределах определенной территории выступает у австралийцев не отдельный индивидуум, а группа в целом⁹⁶. Непосредственным выражением этого является широкое общественное распределение продуктов индивидуальной охоты. Такая система общественных отношений лишает всякого экономического смысла понятие индивидуальной или частной собственности на землю. Так как объекты охоты на данном этапе развития добывались в условиях, когда труд и производство имели непосредственно общественный характер, т. е. в условиях, когда эти объекты опосредствовались коллективистскими производственными отношениями, то за объектами охоты закрепляется форма общественной собственности и животное, убитое на территории группы, считается общей собственностью вне зависимости от того, было ли оно добыто индивидуально или коллективно. «Вся добытая пища становится общей собственностью группы»⁹⁷. Общественная собственность, будучи результатом господства коллективистских производственных отношений, функционирует здесь как основа производственных отношений (в действительности оба момента взаимодействуют в неразрывной связи). В обществе на данной ступени развития возникает система заинтересованности каждого в общей собственности и общей заинтересованности в собственности каждого, вытекающая из системы коллективистских производственных отношений и укрепляющая их. «Каждый заинтересован в собственности соседа и заботится о ней, потому что это часть коллективного богатства семьи... Каждый член рода чувствует интерес в том, что используется его соседом, так как он сам участвует в этом»⁹⁸.

В заключение нельзя не привести замечательную во всех отношениях речь вождя одного из австралийских племен, направленную против английских колонизаторов и характеризующую объекты собственности группы и отношение членов группы к этим объектам. Англичане, колонизируя Австралию, варварски истребляли коренное население. Австралия стала в буквальном смысле заповедным полем охоты на чернокожих. Земли, на которых местные племена с незапамятных времен охотились и собирали, использовались англичанами для плантаций и разведения овец, а занимавшие эти земли племена изгонялись и истреблялись. Методы первоначального накопления капитала, разоблаченные Марксом, были здесь поистине кровавыми. Вот с какими словами обратился вождь австралийского племени, объявленный англичанами вне закона, к главному адвокату колонии Дж. Муру: «Почему вы, белые люди, приплываете на ко-

⁹⁶ Это обстоятельство было впервые отмечено и особо подчеркнуто Р. М. Лайоном, работы которого впоследствии оказались полностью забытыми (см. R. M. Lyon, A glance at the manners and language of the Aboriginal inhabitants of Western Australia, «The Perth Gazette», 30th March, 1833; см. его же, Copy of an address to the settlers in Western Australia, «Extracts from the Papers and Proceedings of the Aborigines Protection Society», т. II. London, 1841, стр. 117; см. также E. Reclus, Contribution à la Sociologie des Australiens, «Revue d'anthropologie», 3-me série, т. I, Paris, 1886, стр. 243; см. его же, Le primitif d'Australie, Paris, 1895, стр. 105).

⁹⁷ H. H. Finlayson, The Red Centre, Sydney, London, 1945, стр. 83.

⁹⁸ G. Taplin, The Folklore, Manners, Customs and Languages of the South Australian Aborigines, Adelaide, 1879, стр. 11—12.

раблях в нашу страну и убиваете бедных чернокожих, которые не понимают вас? Слушайте меня: дикие чернокожие не понимают ваших законов; каждое живое животное, которое бродит по стране, и каждый съедобный корень, который растет в земле, являются общей собственностью! Черный человек считает своей собственностью только свою нарядку, свое оружие и свое имя... Он не понимает, каким образом животные или растения могут принадлежать одному человеку в большей степени, чем другому»⁹⁹.

Эта страстная защита законов своего племени также говорит в пользу изложенного выше анализа отношений собственности на данном этапе общественного развития.

SUMMARY

Data collected by different authors with regard to the nature of property in land among the Australian aborigines are highly contradictory. Some note the collective nature of property in land among the aborigines, while others claim the existence of individual or even private property in land, with the descent of these individual rights. The main fallacy of those who uphold that personal property in land is to be found among the Australian aborigines is that they do not discriminate between material economic relations and ideological relations. An analysis of extant data testifying to the existence of individual property in land among the aborigines leads to the conclusion that the material relations actually working in this sphere are relations of collective property. Personal claims by certain individuals to part of the group territory belong to the domain of ideological relations and are of a totemic nature. The economic subject of property in land (which in this stage of development amounts to property on the objects of hunting and gathering within the confines of a certain territory) is the group as a whole.

⁹⁹ R. Brough Smyth, Указ. раб., т. II, стр. 228. «Признаюсь,—вынужден был сознаться впоследствии сам Дж. Мур,— что у него было почти (!) столько же аргументов, сколько у меня» (G. F. Moore, *Diary of Ten Years Eventful Life of an Early Settler in Western Australia*, стр. 192).